

В заключении отметим, что в рамках настоящего исследования нами предпринята попытка ориентирования научной общественности на малую часть вопросов, возникающих как в ходе научной дискуссии, так и в процессе правоприменительной деятельности при квалификации преступления против собственности. Внимание к рассмотренным проблемам позволит сохранить уверенность в их законодательном решении в ближайшей перспективе.

Никифорова Алена Анатольевна,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

Отдельные вопросы противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности

Стабильность, устойчивость и эффективность функционирования государства напрямую зависят от внешнеэкономических процессов, происходящих в нем. По официальным данным, представленным Федеральной таможенной службой Российской Федерации, совокупный объем экспорта и импорта России за период с января по октябрь 2023 года составил 586,6 млрд долларов США, что на 16 % ниже данных внешней торговли за аналогичный период 2022 года¹. Подобные результаты свидетельствуют об особой важности внешнеэкономической деятельности для развития общества, а их снижение демонстрирует наличие уязвимых областей, на которые стоит обращать более пристальное внимание.

Учитывая значение данных показателей как для России, так и для любой страны в современном мире, значительное внимание уделяется безопасному осуществлению деятельности в сфере внешней экономики, что гарантируется, прежде всего, посредством реализации мер правового регулирования. В связи с этим в науке сформировано понятие «внешнеэкономическая безопасность», под которой понимается «такое состояние соответствия внешнеэкономической деятельности национальным экономическим интересам, что позволит минимизировать убытки государства от влияния внешних экономических факторов негативного характера и создания благоприятных условий развития экономики»².

С целью обеспечения внешнеэкономической безопасности законодатель совершенствует различные отрасли законодательства, в том числе уголовное, что выступает одним из наиболее серьезных инструментов, позволяющих охранять отношения в данной сфере. При этом, к сожалению, действующий уголовный закон не лишен изъянов, препятствующих качественному правоприменению и формированию эффективного уголовно-правового механизма противодействия преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности.

В частности, с 2015 года по настоящее время в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) используется упоминание уже недействующей организации — ЕврАзЭС, существовавшей до 2014 года. К таким статьям относятся: статьи 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ. Диспозиции указанных норм содержат в себе указание места совершения преступления — таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Несмотря на то, что международным договором предусмотрено создание новой организации — Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), у правоприменительных органов отсутствует возможность на него опираться, так как согласно части 1 статьи 1 УК РФ уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного кодекса, основывающегося на нормах международного права. При этом напрямую нормы международного права источником уголовного законодательства не выступают. Вместе с этим вступление России в ЕАЭС отразилось на разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, в частности, в соответствии с абзацем 3 пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» «под используемыми в статьях 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза»),

¹ Внешняя торговля Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg> (дата обращения: 25.12.2023).

² Минаков А. В. Влияние внешнеэкономической деятельности на экономическую безопасность России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 6-2. С. 65–68.

«Государственная граница Российской Федерации с государствами-членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует понимать, соответственно, «таможенная граница Евразийского экономического союза»... "государственная граница Российской Федерации с государствами-членами Евразийского экономического союза"¹.

Таким образом, наблюдается устранение существующего законодательного пробела посредством судебного толкования. Данное обстоятельство сформировало неоднозначную практику, что, безусловно, придает негативный окрас правоприменению.

К примеру, в постановлении суда кассационной инстанции от 31 мая 2022 года № 77-2636/2022 закреплена жалоба адвоката гражданина Ж.Л.В. следующего содержания: «с учетом прекращения функционирования ЕврАзЭС, нельзя установить место совершения преступления, поскольку фактическое место незаконного перемещения не совпадает с местом преступления, предусмотренным диспозицией статьи... наличие в постановлении расшифровки следователя — «таможенная граница Евразийского экономического союза»... находит самовольным дополнением следователя диспозиции статьи..., указав в апелляционном определении о незаконном перемещении Ж.Л.В. через таможенную границу наличных денежных средств в сумме 74 100 евро, суд апелляционной инстанции вышел за пределы предъявленного обвинения, увеличив его объем»². При этом суд дает следующую оценку жалобе адвоката: «доводы защитника об отсутствии в действиях осужденной состава преступления ввиду прекращения функционирования ЕврАзЭС не влияют на уголовно-правовую оценку содеянного, поскольку согласно разъяснений, содержащихся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года «О судебной практике по делам о контрабанде»..., под используемым в статье 200.1 УК РФ термином «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза») следует понимать «таможенную границу Евразийского экономического союза»³. Именно по этой причине суд указал, что указание в постановлении о незаконном перемещении Ж.Л.В. через таможенную границу наличных денежных средств не является свидетельством увеличения объемов обвинения, потому нет оснований для отмены или изменения судебного решения о привлечении Ж.Л.В. к уголовной ответственности по пункту «а» части 2 статьи 200¹ УК РФ.

Аналогичным образом защитник гражданина Ж.С.И. выступил с жалобой относительно неверной квалификации действий последнего по пункту «а» части 2 статьи 200¹ УК РФ, указав на «несоответствие формулировки обвинения в части расшифровки «таможенная граница Евразийского экономического союза» и отсутствия в обвинительном заключении указания на наличные денежные средства... в связи с прекращением функционирования ЕврАзЭС установить место совершения преступления не представляется возможным, поскольку фактическое место незаконного перемещения не совпадает с местом преступления, предусмотренным диспозицией статьи, что свидетельствует об отсутствии в деянии состава указанного преступления»⁴. Вместе с этим суд указал следующее: «доводы защитника об отсутствии в действиях осужденного состава преступления ввиду прекращения функционирования ЕврАзЭС не являются основанием для отмены состоявшихся судебных решений, поскольку согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года... «О судебной практике по делам о контрабанде», под используемым в статье 200.1 УК РФ термином «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза») следует понимать «таможенную границу Евразийского экономического союза»⁵.

На примере приведенных выдержек можно наблюдать, как суд в приговоре осуществляет ссылку на положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде». В связи с этим возникает два вопроса относительно правосудности таких решений: «Насколько корректно в приговоре ссылаться

¹ О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 // Российская газета. 2017. 11 мая. № 99.

² Первый кассационный суд общей юрисдикции № 77-2636/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

³ Первый кассационный суд общей юрисдикции № 77-2636/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Первый кассационный суд общей юрисдикции № 77-3436/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

⁵ Там же.

на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации? Может ли толкование судом положений УК РФ быть шире самого закона?»

Начнем с рассмотрения первого вопроса, который не является новым как для уголовно-правовой, так и для уголовно-процессуальной науки. Относительно частой на сегодняшний день является практика, когда судебные органы в своих решениях не просто учитывают разъяснения судебных органов высшей инстанции, но и ссылаются непосредственно в текстах самих приговоров на отдельные акты судебного толкования. Доктринальные подходы в этом отношении принято подразделять на две основные группы:

— сторонники признания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации нормативным источником, а потому выступающие за возможность, а в каких-то случаях необходимость ссылаться на них¹;

— противники отнесения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации к юридическим источникам уголовного права².

Учитывая тот факт, что подобного рода дискуссии ведутся значительный период времени, постараемся максимально тезисно рассмотреть обе основные позиции. Представители первой группы ученых в первую очередь настаивают на том, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не ограничиваются интерпретацией уголовного закона, а зачастую разрешают «сложные уголовно-правовые вопросы, не имеющие однозначного законодательного решения, компенсирующие пробелы в УК»³. В качестве аргументации также приводится возможность Верховного Суда Российской Федерации оперативно разрешать возникающие в правопримениельной деятельности вопросы посредством издания соответствующих актов. Кроме того, как утверждает К. В. Ображиев, именно такие постановления позволяют восполнить пробелы уголовного закона, потому осуществляют его нормативную конкретизацию, следовательно, являются юридическими источниками уголовного права⁴.

Вторая группа юристов отстаивает свою точку зрения, прежде всего, опираясь на следующие факты:

— постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не формулируют новые нормы, а лишь рекомендуют как наиболее верно поступить при возникновении спорных вопросов правоприменения;

— основной задачей постановлений является то, что они служат актами аутентичного нормативного толкования;

— Пленум Верховного Суда Российской Федерации — это орган судебной, а не законодательной власти, потому не может осуществлять правотворчество⁵.

Исходя из анализа приведенных позиций, безусловно, можно признать справедливыми аргументы представителей обеих сторон, однако противоречия тем самым не разрешаются на законодательном уровне. Несмотря на то, что, несомненно, разъяснения судебных органов высшей инстанции стали выполнять роль актов легального толкования, в силу несовершенства действующего

¹ См.: Демидов В. В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 3. С. 21–24; Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. Москва, 1997. С. 16; Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. Москва, 2000. С. 107–112; Ображиев К. В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 25; Видергольд А. И. Судебные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации как источник уголовно-процессуального права // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. № 1. С. 30–31.

² Исаев М. Судебная практика Пленума Верховного Суда СССР как источник советского уголовного права // Учен. зап. ВИЮН. Вып. 5. Москва, 1947. С. 73–88; Наумов А. В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 8–11; Сидоренко М. В. Постановления Пленума Верховного Суда в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2016. № 5. С. 88.

³ Ображиев К. В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Сидоренко М. В. Постановления Пленума Верховного Суда в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2016. № 5. С. 88.

уголовного законодательства, легитимность такого подхода достаточно просто оспорить, сославшись только лишь на статью 1 УК РФ. Именно поэтому представляется, что восполнение пробелов Уголовного кодекса посредством применения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации нельзя признать законным, хоть и необходимо во множестве случаев, о чем неоднократно говорили ученые-юристы.

Именно по этой причине ссылка на положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» в судебных приговорах видится не в полной мере отвечающей требованиям действующего законодательства.

Одновременно с этим необходимо ответить на второй вопрос о том, насколько законным можно признать разъяснение в абзаце 3 пункта 1 рассматриваемого нами постановления. Фактически в статьях 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ упоминается устаревшее международное законодательство, потому нормы в таком виде применяться не могут. Для устранения этого пробела Верховный суд расширительно толкует содержание указанных статей и приравнивает Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), предпринимая тем самым попытку устранения возникшего пробела. Однако такое решение нельзя признать корректным, как минимум, только потому, что страны, входящие в данные международные организации, не совпадают по своему составу. Участниками ЕврАзЭС являлись: Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. В ЕАЭС входят: Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия. Потому абсолютно неясно, как оценивать незаконное перемещение товаров и услуг через такие страны, как Таджикистан, ранее входивший в ЕврАзЭС (которая все еще по УК РФ является местом совершения преступления), и Армению, являющуюся страной-участницей ЕАЭС (определенной местом совершения контрабанды Пленумом Верховного Суда Российской Федерации).

Представленная судебная позиция привела к разрозненности в правоприменении. Так, помимо того, что в ряде приговоров суда появились ссылки на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12, в других судебных решениях международные организации стали указывать абсолютно хаотично: *таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС*¹, *таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (таможенную границу ЕАЭС)*², *таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (ЕАЭС)*³.

На наш взгляд, приравнивание двух международных организаций друг к другу не является верным решением, так как в данном случае Верховный Суд Российской Федерации трактует не только отечественное уголовное законодательство, но и нормы международных договоров, что значительно выходит за рамки разъяснительного судебного толкования.

Несмотря на то, что сложившаяся ситуация вызвана объективными причинами, и отсутствие соответствующего положения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года № 12 вообще бы не позволило применять отдельные статьи УК РФ об ответственности за контрабанду, так как законодатель не внес необходимые изменения в них, подобное решение не представляется справедливым. Таким образом, не умоляя значения разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, которые во многом позволяют осуществлять эффективное правоприменение, полагаем, что соблюдение принципов уголовного законодательства является обязательным для всех. Видим острую потребность в актуализации статей 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ с учетом действующего международного законодательства, что позволит обеспечить уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере внешнеэкономической деятельности на должном уровне.

¹ Уголовное дело 1-805/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).

² Там же.

³ Уголовное дело 1-110/2021 (1-765/2020). URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 25.12.2023).